

Н.С. Кузнецова,
научный координатор Рабочей группы по рекодификации (обновлению)
гражданского законодательства Украины,
академик Национальной академии правовых наук Украины,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины,

А.А. Кот,
заместитель председателя Рабочей группы по рекодификации (обновлению) гражданского
законодательства Украины,
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Украины,

А.Б. Гриняк,
член Рабочей группы по рекодификации (обновлению)
гражданского законодательства Украины,
академик Национальной академии правовых наук Украины,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Украины

[Инициативный авторский перевод с английского языка выполнен профессором, д.ю.н. **Ф. Карагусовым**]

Проект Гражданского кодекса Украины: от обновления законодательства к новой модели частного права

Вводная часть

1. В настоящее время частное право Украины развивается в условиях глубокой трансформации общественных, экономических и правовых отношений. Цифровизация гражданского оборота, появление новых объектов субъективных (частных) прав, распространение автоматизированных информационных систем, развитие искусственного интеллекта, изменение моделей корпоративного управления, усложнение трансграничных частноправовых связей, а также потребность в правовом обеспечении послевоенного восстановления Украины объективно обусловили необходимость системного обновления гражданского законодательства.

Действующий Гражданский кодекс Украины (далее – «ГК Украины»), принятый в 2003 году, сформировал фундамент современного частного права. Однако за более чем двадцатилетнюю практика его применения появилось значительное количество новых общественных отношений и цивилистических доктрин, которые не всегда имеют надлежащее нормативное отражение.¹ Это явилось одним из ключевых факторов, обусловивших проведение рекодификации частного права Украины и подготовку проекта нового Гражданского кодекса Украины (далее – «проект ГК»);²

Особое значение рекодификация приобрела после получения Украиной статуса кандидата на вступление в Европейский Союз (ЕС) и начала переговорного процесса о членстве в ЕС. Гармонизация частного права Украины с *acquis* ЕС стала не только доктринальной, но и практической задачей государственной правовой политики.

Одним из ключевых условий и предпосылок разработки принятия нового Гражданского кодекса стали отмена Хозяйственного кодекса Украины и принятие законодательства об

¹ См. Рекодифікація цивільного законодавства України: виклики часу : монографія / за заг. ред. Н. С. Кузнецової. 2-ге вид., доп. та перероб. Одеса : Видавничий дім «Гельветика», 2022. С. 406

² См. Проект Цивільного кодексу від 09.04.2026, № 15150. URL: <https://itd.rada.gov.ua/billinfo/Bills/Card/69837>.

особенностях регулирования деятельности юридических лиц в переходный период.¹ Это обосновывается тем, что многолетнее параллельное существование ГК Украины и Хозяйственного кодекса порождало коллизии и затрудняло формирование последовательной судебной практики.² В связи с этим в юридической литературе неоднократно подчеркивалось, что отмена Хозяйственного кодекса является необходимой предпосылкой полноценного обновления ГК Украины.³ В концептуальном плане это означает переход от дуалистической модели регулирования частных отношений к единой цивилистической концепции, в которой Гражданский кодекс является единым системообразующим актом частного права.

2. Проект ГК предлагает не столько модернизацию действующего ГК Украины, сколько изменение самой философии частноправовой кодификации. В его первых положениях системно используется категория «частное право», а нормативный материал выстраивается вокруг частной автономии, добросовестности, разумности, диспозитивности и других основополагающих принципов. Такая принципоцентричная модель повышает гибкость регулирования, одновременно расширяя судебную дискрецию, что потребует последовательных критериев применения открытых принципов и надлежащих гарантий правовой определенности.

Существенно расширяются содержание и, соответственно, структура проекта ГК. В него интегрируются семейное право, международное частное право и отдельная книга о публичности гражданских прав.

Включение семейного права означает фактическую поддержку цивилистической концепции соответствующих отношений и отход от модели самостоятельного существования Гражданского и Семейного кодексов Украины.

Международное частное право, которое в настоящее время регулируется специальным законом, предлагается инкорпорировать в состав Гражданского кодекса для обеспечения большей системности частноправового регулирования.

Публичность гражданских прав, которая сегодня в значительной степени обеспечивается специальным регистрационным законодательством, в проекте ГК приобретает значение самостоятельного материально-правового механизма, связанного с возникновением, противопоставимостью, приоритетом и защитой гражданских прав.

Такое структурное расширение нормативного массива проекта ГК ставит вопрос о пределах кодификации.

Интеграция в Гражданский кодекс Украины семейного и международного частного права не означает отказа от специального законодательства, поскольку значительная часть процедурных, организационных и публично-правовых аспектов соответствующих отношений будет регулироваться специальным образом. Поэтому системообразующая роль ГК должна состоять прежде всего в закреплении общих частноправовых принципов, конструкций и последствий, тогда как специальные законы должны детализировать отдельные механизмы их реализации. Именно от правильного разграничения этих уровней регулирования будет зависеть, будет ли расширение структуры проекта ГК способствовать преодолению фрагментарности законодательства или, напротив, породит новые коллизии между общими и специальными нормами.

¹ См. Закон України «Про особливості регулювання діяльності юридичних осіб окремих організаційно-правових форм у перехідний період та об'єднань юридичних осіб» від 9 січня 2025 року. № 4196-ІХ. Відомості Верховної Ради України. 2025. №№ 28–29. Ст. 9.

² См. Кузнецова Н. С., Кот О. О., Гриняк А. Б., Пленюк М. Д. Скасування Господарського кодексу України: потенційні наслідки та необхідні передумови. Вісник Національної академії правових наук України / редкол.: В. Тацій та ін. Харків : Право, 2020. Т. 27. № 1. С. 100–131

³ См. Зуб І. В. Щодо окремих положень концепції оновлення Цивільного кодексу України. Нове українське право. Вип. 4. 2021. С. 28; Концепція оновлення Цивільного кодексу України. Київ : Видавничий дім «АртЕк», 2020. 128 с.

Обзор ключевых новелл в проекте ГК

3. Книга первая «Общая часть» закладывает методологическую основу всей рекодификации.

Закрепляется презумпция частноправового характера отношений, если их публичный характер не определен законом или не вытекает из их существа. К началам частного права прямо отнесены юридическое равенство, частная автономия, диспозитивность, добросовестность, разумность, запрет злоупотребления правом и недопущение извлечения преимуществ из собственного противоправного поведения; самостоятельное значение приобретают добрые нравы (*boni mores*).

Договор, обычай и локальный акт юридического лица непосредственно отнесены к источникам частного права. Такая множественность частноправовых регуляторов требует четкого определения пределов их действия: договор связывает прежде всего его стороны, а локальный акт юридического лица имеет преимущественно внутреннюю сферу действия и не должен без достаточных оснований создавать обязанности для третьих лиц.

Существенно обновляется правовой статус физических и юридических лиц. Усиливается самостоятельность ребенка в частных отношениях, детализируются правила безвестного отсутствия, объявления лица умершим, опеки и попечительства. В системе юридических лиц предлагаются унификация организационно-правовых форм, разграничение юридических лиц частного и публичного права и закрепление имущественной обособленности публичных образований и созданных ими юридических лиц. Корпоративное право дополняется производным иском, расширением возможностей договорного регулирования корпоративных отношений, прямым закреплением фидуциарных обязанностей должностных лиц и возможностью субсидиарной ответственности контролирующих лиц в случаях злоупотребления корпоративной формой. Для эффективного применения этих положений необходимы достаточно определенные критерии «решающего влияния», *alter ego* и доказывания вреда кредиторам.

Вместе с тем, модернизация статуса физического лица связана не только с традиционными институтами дееспособности, опеки или безвестного отсутствия. Проект ГК усиливает самостоятельность ребенка в осуществлении личных прав, обращении за их защитой и использовании электронных платежных средств для мелких бытовых сделок. Такая ребенкоцентричная ориентация в целом соответствует тенденции к постепенному расширению автономии несовершеннолетних, однако должна учитывать их фактическую способность понимать юридические и финансовые последствия собственных действий. Поэтому соответствующие нормы подлежат согласованию с банковской идентификацией, механизмами родительского контроля и защитой от цифровых злоупотреблений. Этот пример хорошо иллюстрирует общую логику проекта ГК: расширение частной автономии сопровождается необходимостью создания дополнительных гарантий для лиц, которые в силу возраста, информационной асимметрии или иных обстоятельств находятся в более уязвимом положении.

Система объектов частных прав адаптируется к цифровой среде. Самостоятельной категорией становятся цифровые вещи, среди которых названы виртуальные активы, цифровой контент, базы данных, изображения и 3D-модели, доменные имена и учетные записи в цифровых системах. Однако такая широкая категория объединяет разнородные блага, различающиеся по оборотоспособности, способу возникновения, возможности исключительного господства и соотношению с информационными, личными и интеллектуальными правами. Поэтому цифровые вещи требуют дальнейшей внутренней дифференциации.

Важным структурным изменением является перенесение в Книгу первую проекта ГК общих положений договорного права. Наряду со свободой договора и *pacta sunt servanda* регулируются типовые, примерные и стандартные условия, публичные договоры, договоры присоединения, предварительные и смешанные договоры, правило *contra proferentem* и

принцип *favor contractus*. Вместе с тем разграничиваются общедоговорные правила, включенные в Книгу первую проекта ГК, и общие положения об обязательствах, содержащиеся в Книге пятой.

Обновлены и правила исковой давности, включая привязку начала исчисления общей давности к окончанию календарного года и значительную дифференциацию специальных сроков, что требует проверки с точки зрения пропорциональности и правовой определенности.

Отдельного внимания заслуживает предусмотренная проектом ГК возможность внесудебного оспаривания договора путем направления другой стороне письменного заявления. Такая конструкция может упростить защиту прав участника частных отношений и уменьшить потребность в судебном вмешательстве, однако требуют точного определения момент наступления юридических последствий и временной период для возможности отзыва соответствующего заявления, а также влияние соответствующих обстоятельств (фактов, действий) на права третьих лиц. Для стабильности гражданского оборота особенно важно, чтобы внесудебное оспаривание не создавало длительного состояния неопределенности относительно действительности договора. В общем контексте Книги первой это еще раз демонстрирует характерную для проекта ГК тенденцию: расширение автономии участников частных отношений должно сопровождаться достаточными гарантиями предсказуемости и публичной достоверности юридических фактов.

4. Книга вторая «Право личное» существенно расширяет систему личных прав и усиливает человекоцентричную направленность проекта.

Наряду с правами на жизнь, здоровье, телесную и психическую неприкосновенность, медицинскую и реабилитационную помощь выделяются репродуктивные, информационные и цифровые права. Закрепляются права на биометрические и генетические данные, цифровой образ, цифровую индивидуализацию, цифровое личное пространство и право на забвение. Практическая реализация последнего потребует баланса между приватностью, свободой выражения мнений, свободой медиа, общественным интересом и необходимостью сохранения информации, имеющей историческое или научное значение. Право на информационный покой, включая возможность не отвечать на профессиональные сообщения вне рабочего или определенного договором времени, пересекается с трудовым законодательством и также требует межотраслевого согласования.

Новеллой проекта ГК является самостоятельная глава о личных правах юридического лица: на наименование, цифровой образ, символику, репутацию, информацию, договорную и профессиональную тайну, корреспонденцию и цифровую приватность. Вместе с тем распространение конструкций, традиционно связанных с человеком, в отношении юридических лиц должно учитывать их функциональную природу, а в отношении юридических лиц публичного права также требования, обусловленные спецификой таких образований.

Отдельный блок посвящен использованию образа человека системами искусственного интеллекта и синтетическому контенту. Здесь ключевым является определение круга ответственных субъектов, правил маркировки и пределов допустимого использования в творческих, информационных и научных целях. Проект ГК также признает возможность постмортального осуществления отдельных личных волеизъявлений, что требует разграничения обязательных распоряжений и пожеланий умершего и их согласования с наследственным правом.

5. Книга третья «Право вещное» системно перестраивает модель вещного права.

Общее понятие вещного права связывается с господством над вещью, а вещные права подразделяются на право собственности и ограниченные вещные права. Объектами могут быть не только телесные вещи, но и имущественные права как бестелесные вещи. Такое

расширение требует четкого обеспечения принципов специальности, публичности и противопоставимости третьим лицам, иначе может размываться граница между вещным и обязательственным правом. Одновременно усиливается социальная функция вещных прав посредством формулы «вещное право обязывает», а соседские отношения предлагается строить на взаимном уважении, осмотрительности и обязанности воспринимать допустимое негативное воздействие.

Новой категорией становится бизнес как единый имущественный комплекс, что облегчает его оборот, но требует специальных правил относительно долгов, договоров, работников, разрешительных документов и прав интеллектуальной собственности.

Особое место занимает узупфрукт, в том числе узупфрукт государственного и коммунального имущества, который достаточно легко заменил конструкции хозяйственного ведения и оперативного управления. Вместе с тем его режим должен быть согласован с бюджетным законодательством, положениями о приватизации, аренде и правилами управления публичным имуществом.

Упорядочивается система виндикационной и негаторной защиты, а также иска о признании вещного права. Усиливаются гарантии добросовестного приобретателя, в частности в спорах об истребовании государственного и коммунального имущества.

Усиление защиты добросовестного приобретателя особенно заметно в отношениях с публичным собственником. Истребование недвижимого имущества в пользу государства или территориальной общины связывается с предварительным внесением его стоимости на депозитный счет суда, а для соответствующих требований устанавливается десятилетний срок исковой давности, за исключением специально определенных категорий имущества. Такой подход направлен на окончательную стабилизацию гражданского оборота и недопущение ситуаций, когда лицо спустя много лет утрачивает имущество, приобретенное по возмездной сделке без известных ему дефектов титула. Вместе с тем система исключений из предельного срока не должна быть настолько широкой, чтобы фактически нивелировать саму идею защиты добросовестного приобретателя.

В систему ограниченных вещных прав также включены вещное право ожидания, преимущественное право покупки недвижимости и обеспечительные вещные права. Право ожидания призвано предоставить вещно-правовую защиту инвестору до завершения создания будущего объекта, однако его эффективность будет зависеть от индивидуализации объекта, регистрации и правил на случай неплатежеспособности застройщика или конкуренции прав нескольких инвесторов.

Залог и удержание квалифицируются как обеспечительные вещные права, что требует согласования с Книгой пятой.

Самостоятельный институт владения обеспечивает оперативную защиту фактического контроля над вещью, однако посессорная защита должна быть четко отграничена от петиторного спора о титуле.

6. Книга четвертая «Право интеллектуальной собственности» ориентирует систему охраны результатов творческой деятельности на цифровую экономику и развитие искусственного интеллекта (ИИ).

Исходным остается антропоцентричный принцип: создателем объекта интеллектуальной собственности может быть только человек. Однако использование искусственного интеллекта требует критериев достаточного творческого участия человека, позволяющих отличить использование технологии как инструмента от ситуаций, когда вклад человека ограничивается общим запросом или выбором автоматически сгенерированного результата. Для неоригинальных объектов, созданных системой ИИ без непосредственного творческого участия человека, предусматривается право *sui generis*. Его содержание и срок должны быть уже авторского права, чтобы избежать необоснованной монополизации массово генерируемых результатов.

Обновляются также публичные лицензии, право на справедливое вознаграждение, правовой режим препубликаций (препринт) и правила глубинного анализа текстов и данных, в том числе для обучения систем искусственного интеллекта. Эти инструменты демонстрируют переход от модели исключительного запрета к более гибкому сочетанию разрешений, компенсаций и исключений. Вместе с тем эффективность Книги четвертой будет зависеть от четкого разграничения прав субъектов, баланса интересов правообладателей и пользователей, а также от согласования ГК со специальным законодательством в сфере интеллектуальной собственности.

Для цифровой экономики принципиальное значение имеет и определение режима использования охраняемых объектов при глубинном анализе текстов и данных. Такой анализ является технологической основой многих современных систем искусственного интеллекта, поэтому чрезмерно жесткий разрешительный режим способен сдерживать научные и инновационные проекты, тогда как неограниченное использование контента может необоснованно ослабить позиции правообладателей. Оптимальной представляется модель, в которой законный доступ к материалу, возможность правообладателя в определенных случаях заявить о запрете машинного использования и специальные исключения для научной деятельности сочетаются с требованиями прозрачности. Важно также отграничить собственно аналитическую обработку массива данных от последующего воспроизведения или распространения охраняемых фрагментов в результатах работы системы.

7. Книга пятая «Право обязательств» является одной из наиболее новаторских частей проекта ГК. Ее обновление направлено на формирование целостной системы общих правил, пригодных для различных договорных и внедоговорных обязательств.

Одной из центральных новелл является защита слабой стороны не только в потребительских отношениях, но и при наличии неравенства переговорных возможностей, экономической зависимости или информационной асимметрии. Вместе с тем правило о толковании условий в пользу слабой стороны отграничено от *contra proferentem* и контроля несправедливых условий, чтобы избежать непредсказуемого перераспределения договорных рисков.

Совершенствуется классификация обязательств: наряду с альтернативными, факультативными, кумулятивными и встречными выделяются обязательства по приложению усилий и достижению результата. Закрепляются натуральные обязательства и конкуренция договорных и внедоговорных оснований требований. Последняя расширяет возможности защиты кредитора, однако не должна использоваться для обхода согласованных сторонами допустимых ограничений ответственности, сроков уведомления или распределения рисков.

Подробно регулируются преддоговорные отношения: свобода переговоров, обязанность вести их добросовестно, преддоговорная ответственность, достоверность заверений, конфиденциальность, письма о намерениях и меморандумы. Такая модель восполняет существенный пробел действующего регулирования, однако добросовестность не должна трансформироваться в обязанность заключить договор. Основным ориентиром возмещения должны быть расходы и иные потери, вызванные недобросовестными переговорами, а вопрос компенсации утраченного реального шанса на заключение альтернативного договора требует специального решения.

Проект ГК адаптирует обязательственное право к цифровой среде, допуская заключение договоров с помощью автоматизированных информационных систем и электронное исполнение путем передачи цифрового контента, данных, лицензионных ключей и доступа к информационным системам. Вместе с тем детализировано последствия технических ошибок, кибератак, несанкционированного вмешательства и выхода системы за установленные пользователем параметры, чтобы автоматизированное действие не отождествлялось с непосредственным волеизъявлением человека.

Расширяется система обеспечения: обеспечиваться могут будущие и условные требования, предусматриваются депонирование и уступка права требования. Концептуально перестраиваются последствия неисполнения. Категория предвидимого существенного неисполнения позволяет кредитору реагировать до окончательного нарушения, однако право на отказ должно основываться на объективных обстоятельствах, а должнику предоставлено возможность представить достаточные гарантии исполнения. Самостоятельными способами защиты становятся уменьшение цены и судебная неустойка (астрент), которая должна оставаться пропорциональным стимулом к исполнению неденежного судебного решения, а не карательной санкцией.

В системе отдельных договоров коммерческая концессия заменяется франчайзингом, а партнерство признается формой сотрудничества, которая может осуществляться на договорной основе или посредством юридического лица.

Внедоговорные обязательства приобретают превентивную направленность: допускаются реагирование на реальную угрозу вреда и возмещение необходимых и пропорциональных расходов на его предотвращение. Обновляются правила о профессиональных консультациях, конфиденциальности, умышленном вмешательстве в договор и чистых экономических убытках. Расширяется перечень источников повышенной опасности, в частности к ним отнесены автономные робототехнические системы, беспилотные аппараты и автоматизированные комплексы, управляемые ИИ. При этом ключевым остается разграничение ответственности собственника, оператора, пользователя, производителя, разработчика и поставщика программного обеспечения. Экологический вред рассматривается с акцентом на прекращение вредной деятельности, восстановление окружающей среды и превентивные меры.

Отдельному содержательному пересмотру подверглись правила о форс-мажоре и судебной неустойке. Чрезвычайные и непредотвратимые обстоятельства не должны автоматически прекращать денежное обязательство, однако могут влиять на ответственность за просрочку, применение санкций и возможность прекращения или адаптации договорной связи. Астрент [т.е. назначаемый судом денежный штраф за неисполнение судебного решения в установленный срок – Ф.К.], в свою очередь, призван стимулировать исполнение неденежного судебного решения и поэтому должен оставаться пропорциональным средством принуждения, не приобретая карательного характера. Сочетание этих конструкций с правилами о предвидимом существенном неисполнении свидетельствует об общем смещении акцента с формальной констатации нарушения на управление рисками неисполнения, сохранение полезной договорной связи и обеспечение реального результата для кредитора.

8. Книга шестая «Право семейное» исходит из приоритета наилучших интересов ребенка и перехода от отдельных родительских прав и обязанностей к концепции родительской ответственности.

Родители могут урегулировать распределение ответственности, место жительства ребенка, порядок общения, участие в воспитании и управлении имуществом, однако договорная свобода здесь ограничена императивными родительскими обязанностями и принципом наилучших интересов ребенка.

Существенно расширяется репродуктивная автономия: детализируются правовой статус донора, доступ ребенка к информации о генетическом происхождении, последствия вспомогательных репродуктивных технологий и использование репродуктивного материала после смерти лица. Право на отцовство или материнство с применением таких технологий признается также за, соответственно, одиноким мужчиной и одинокой женщиной, что требует комплексного урегулирования суррогатного материнства, гарантий женщины, вынашивающей ребенка, и статуса самого ребенка.

Пока еще дискуссионным является положение о недействительности брака вследствие изменения пола одним из супругов, и каким будет окончательное законодательное решение,

остается неизвестным. В то же время, поскольку изменение происходит после правомерного возникновения семейных отношений, более последовательной представляется модель прекращения брака на будущее по специальной процедуре, а не признание его недействительным. Имущественные отношения супругов также существенно модернизируются: особую защиту получает жильё супругов, в состав общего имущества прямо включаются корпоративные доли, имущественные права, права требования, отдельные вещные права и права интеллектуальной собственности. При этом следует разграничивать экономическую ценность корпоративной доли и статус участника общества, а также личные неимущественные и имущественные права интеллектуальной собственности. Алименты на ребенка признаются его собственностью, расширяется круг алиментных обязательств, а санкции за просрочку должны применяться пропорционально, чтобы чрезмерный рост задолженности не противоречил интересам самого ребенка.

Завершает структуру Книги шестой проекта ГК развернутая система форм устройства детей. Усыновление определяется приоритетной формой для детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения, однако приоритет конкретной формы не может иметь абсолютного характера. Решающим критерием в каждом деле должны оставаться наилучшие интересы ребенка с учетом его возраста и мнения, устойчивости эмоциональных связей, необходимости не разлучать братьев и сестер, а также сохранения культурной и личной идентичности. Таким образом, Книга шестая наиболее отчетливо демонстрирует пределы частной автономии: договорные и имущественные механизмы семейного права могут развиваться лишь постольку, поскольку они совместимы с защитой ребенка и других уязвимых членов семьи.

9. Книга седьмая «Право наследственное» адаптирует наследование к цифровому обороту [цифровой среде – Ф.К.] и использованию репродуктивных технологий.

По завещанию наследником может быть лицо, зачатое в течение шести месяцев после смерти завещателя с использованием его репродуктивного материала и рожденное живым. Такая конструкция расширяет свободу завещания, но изменяет традиционное правило о существовании потенциального наследника на момент открытия наследства, поэтому требует определенности в отношении сроков формирования круга наследников, управления наследством и последствий неудачного применения репродуктивных технологий.

В состав наследства включаются права на репарации, неполученные социальные выплаты, цифровые вещи и права в отношении будущей недвижимости. Включение таких объектов соответствует современной структуре имущественных интересов, однако требует дифференциации. В сфере репараций следует разграничивать уже определенное имущественное требование и права, неразрывно связанные с личностью непосредственной жертвы. В отношении будущей недвижимости важно обеспечить наследнику не только формальный переход договорной позиции, но и сохранение специального имущественного права, регистрационного приоритета и способов защиты первоначального инвестора. Особенно сложными остаются случаи банкротства застройщика, изменения характеристик будущего объекта, двойного отчуждения прав или прекращения строительства.

Особенно сложным является наследование цифровых вещей. Возможность исключения наследуемости «условиями использования» платформы не должна позволять частному поставщику в одностороннем порядке нивелировать общие правила наследственного права. Необходимо различать имущественное право на цифровой объект, персональный договорный доступ к сервису и доступ к информационному содержанию аккаунта, которое может включать частные данные третьих лиц.

Отдельное завещание в отношении репродуктивного биологического материала закрепляет постмортальную репродуктивную автономию; сам материал и право на его использование не включаются в состав наследства. Это требует специальных правил относительно срока реализации, количества попыток, отказа от использования,

уничтожения материала и соотношения завещательного распоряжения с прижизненными медицинскими согласиями.

Перестраивается и очередность наследования по закону, в частности с выделением фактического семейного союза, что требует четких критериев его отграничения от других форм длительного совместного проживания.

10. Книга восьмая «Частное международное право» [в терминологии казахстанского права это все еще называется международным частным правом – Ф.К.] основывается на принципе наиболее тесной связи и существенно расширяет автономию воли.

Стороны могут выбирать не только право государства, но и транснациональные нормы, включая *lex mercatoria* и общие начала права. Это соответствует потребностям международного коммерческого оборота, однако требует определения юридического статуса негосударственных регуляторов и пределов их применения. Иностранное право должно применяться так, как оно применяется в государстве его происхождения; его действие не исключается лишь ввиду публично-правовой природы нормы.

Детализируются концепции публичного порядка (*ordre public*) и сверхимперативных норм, причем само отличие иностранной правовой или экономической системы не является основанием для отказа в применении иностранного права.

Для юридических лиц предусматривается возможность изменения личного закона без прекращения правосубъектности, то есть редомициляция, которая должна сопровождаться гарантиями кредиторов, работников и участников.

В вещных отношениях сохраняется *lex rei sitae*, дополненное специальными правилами в отношении реестрового имущества, ценных бумаг, безналичных денежных средств и обеспечительных обременений.

В договорах ведущей является автономия воли, а при ее отсутствии – право стороны характерного исполнения (хотя следует признать, что для цифровых отношений эта привязка не всегда достаточно очевидна).

В деликтных отношениях основной является страна наступления вреда, однако для экологического, медийного, интернет-вреда, персональных данных и недостатков продукции потерпевшее лицо получает дополнительные возможности выбора.

Трудовые, семейные и наследственные коллизионные нормы сочетают автономию воли с защитой слабой стороны, наилучшими интересами ребенка и критерием последнего места жительства наследодателя.

Гибкость коллизионной модели особенно важна для отношений, не имеющих очевидного территориального центра. В цифровых договорах и платформенных моделях сторона характерного исполнения не всегда может быть определена однозначно, а в спорах о вреде, причиненном через сеть Интернет, информация одновременно доступна во многих государствах. Поэтому принцип наиболее тесной связи должен дополнять специальные привязки и предотвращать сугубо формальный выбор правопорядка. Подобная проблема возникает в сфере постоянной дистанционной работы: право страны деятельности работодателя не всегда отражает реальный центр трудовых отношений, если работник постоянно проживает и выполняет работу в другом государстве.

Таким образом, преимуществом Книги восьмой является гибкость, однако ее практическое применение потребует устойчивой судебной практики относительно критериев наиболее тесной связи.

11. Книга девятая «Публичность гражданских прав» превращает публичность из преимущественно регистрационной процедуры в материально-правовой механизм.

Центральным становится принцип противопоставимости: надлежащим образом обнародованное право, обременение или юридическое состояние могут быть противопоставлены любому третьему лицу, а непубличное право по общему правилу не может быть использовано против добросовестного приобретателя. Вместе с тем лицо не

может ссылаться на отсутствие публичности, если оно знало или при обычной осмотрительности должно было знать о соответствующем обстоятельстве. Такой критерий не должен превращаться в общую обязанность проверять незарегистрированные права, иначе ослабляется сама идея доверия к публичному реестру.

Проект разграничивает правоустанавливающие и декларативные реестры, закрепляет доверие к реестровым сведениям [содержанию публичных реестров – Ф.К.], внедряет понятия и режим обеспечительной записи и оговорки о споре или возражении.

Публичность должна быть согласована с приватностью и защитой персональных данных посредством принципа минимально необходимого объема открытой информации.

Защита добросовестного лица, полагавшегося на неправильную запись, повышает стабильность оборота, но переносит риск регистрационной ошибки на лицо, право которого отражено неправильно или незаконно исключено. Поэтому такая модель требует эффективной ответственности государства, регистратора или оператора системы и реального механизма компенсации.

Обеспечительная запись может охранять требование о будущей регистрации, однако ввиду способности фактически ограничивать оборотоспособность имущества ее основания и срок должны быть четко формализованы.

Система оговорок делает спор видимым для третьих лиц, но требует предохранителей от недобросовестного блокирования имущества.

С принципом публичности непосредственно связан и приоритет конкурирующих прав. Если очередность определяется моментом совершения регистрационного действия, техническая надежность информационной системы превращается в фактор материально-правового значения. Поэтому специальное законодательство должно урегулировать точность фиксации времени подачи заявлений, одновременные или конкурирующие обращения, последствия технических сбоев и порядок восстановления записей. Не менее важно обеспечить баланс открытости реестров с защитой приватности. Публичность должна охватывать лишь тот объем данных, который необходим для проверки правового титула, обременения или юридического состояния; чувствительная информация должна предоставляться в дифференцированном режиме доступа. Таким образом, Книга девятая соединяет материальное частное право с качеством цифровой и административной инфраструктуры государства.

Выводы

12. Продолжающаяся в Украине рекодификация гражданского законодательства выходит далеко за пределы обновления отдельных правовых институтов. Ее концептуальным результатом является формирование модели Кодекса частного права цифрового общества, ориентированного на современный гражданский оборот, цифровизацию, развитие искусственного интеллекта, усложнение корпоративных и трансграничных связей и трансформацию семейных и наследственных отношений.

Сквозными чертами проекта ГК являются принципоцентричность, расширение частной автономии, человеко- и ребенкоцентричность, цифровизация правовых режимов, модернизация вещного и обязательственного права, интеграция семейного и международного частного права и превращение публичности гражданских прав в самостоятельный частноправовой механизм. Наибольшим преимуществом проекта ГК является комплексность, а главным вызовом – необходимость обеспечения внутренней согласованности.

13. Дальнейшая доработка проекта ГК сейчас направлена на уточнение оценочных понятий, разграничение смежных правовых конструкций, согласование положений различных книг между собой и со специальным законодательством, а также на надлежащее переходное регулирование. Главным критерием успешности рекодификации должна стать способность нового Гражданского кодекса сочетать частную автономию и гибкость

регулирования с правовой определенностью, предсказуемостью правоприменения и стабильностью гражданского оборота.

14. Отдельной задачей является обеспечение внутренней согласованности всех Книг проекта ГК. Новые цифровые объекты одновременно затрагивают общие положения, личные права, интеллектуальную собственность, обязательства и наследование обеспечительные конструкции должны одинаково последовательно работать в вещном и обязательственном праве; семейные и наследственные нормы о постмортальной репродукции должны быть синхронизированы с медицинским законодательством; правила о публичности и реестрах требуют согласования со всеми Книгами Кодекса.

Поэтому завершающий этап рекодификации требует не только редакционной проработки каждой Книги в отдельности, но и проверки всего нормативного массива на терминологическое единство, отсутствие дублирования и единообразие юридических последствий. Именно такая системная проверка позволит реализовать основную идею всего процесса рекодификации – его комплексность и не допустить, чтобы она превратилась в источник новых коллизий.

15. Не менее важным является переходный этап внедрения нового кодифицированного акта.

Масштабность рекодификации означает одновременное изменение правового режима юридических лиц, публичного имущества, регистрационных механизмов, цифровых объектов, семейных и наследственных отношений. Поэтому вступление в силу новых положений должно сопровождаться достаточными сроками для приведения специального законодательства в соответствие, адаптации государственных реестров, нотариальных и судебных процедур, а также для сохранения прав, приобретенных по действующему законодательству.

Особенно чувствительными являются вопросы правопреемства юридических лиц, действительности ранее заключенных договоров, перехода от хозяйственного ведения и оперативного управления к новым вещно-правовым конструкциям, статуса ранее зарегистрированных обременений и защиты ожиданий участников гражданского оборота. Следовательно, успешность рекодификации будет определяться не только качеством текста кодекса, но и последовательностью его имплементации.

Концептуальная смелость проекта ГК должна быть дополнена реалистичным переходным механизмом, способным обеспечить непрерывность правоотношений и минимизировать риски правовой неопределенности.

04 сентября 2026 г.